

Таким образом, к финалу произведения, пройдя сложный путь богоборчества, Самсон возвращается к осознанию себя пророком Иеговы. Андреев свидетельствует об этом в картинах глумления филистимлян. Покорность Самсона пропадает, как только от него начинают требовать славословий языческим богам. Герой учиняет бунт и начинает крушить все вокруг, при этом, неспособный противостоять врагам, он вызывает за помощью к Богу: *У меня нет очей, чтобы приказывать и повелевать, но взгляни на них Ты, боже Израиля, и одень их в неподвижность камня!* [1, с. 343].

Итак, анализ показал, что обращение к образу Самсона на протяжении XIX – начала XX в. испытало ряд серьезных изменений – от воссоздания ветхозаветного образа до его полного переосмысления и неомифологизации, не преходящей осталась только ценность текста Священного Писания, к которому обращались писатели при работе над своими произведениями.

Литература

1. Андреев Л.Н. Драматические произведения : в 2 т. Л. : Искусство, 1989. Т. 2.
2. Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М., 2006.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2002.
4. Мей Л.А. Избранные произведения. Л., 1972.
5. Спивак Р.С. Феномен творчества в осмыслении русской литературы начала XX века // Филол. науки. 2001. №6. С. 13–20.
6. Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1972. С. 367–368.

Interpretation of Samson's image in "Book of Israeli Judges" in the Russian literature of the XIX – beginning of the XX century

There are analyzed the interpretations of Samson's image in the poems by Yazykov, Mei and the play by Andreev. There are sorted out several types of including Bible text in the author's text: recreation of the text, its reconsideration and neomythologizing.

Key words: *neomythologizing, reconsideration, recreation of the text.*

С.О. ТЕРЕЩЕНКО
(Волгоград)

ЖИТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»: ДИАЛОГ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Сопоставляются различные современные научные подходы к интерпретации роли житийных традиций в повести Н.В. Гоголя «Шинель».

Ключевые слова: *житие, традиция, аскетические подвиги, юродивые, блаженные.*

Религиозные мотивы в повести «Шинель» не раз привлекали внимание исследователей творчества Н.В. Гоголя. В последние два десятилетия эта тема стала предметом острых дискуссий, в которых отразились разные подходы к проблеме религиозного дискурса в поэтике писателя. Мы попытаемся выявить и систематизировать наиболее характерные для современной научной литературы интерпретации места и роли одной из жанровых традиций христианской литературы в «Шинели», чтобы получить ответ на вопрос, в какой мере она способствует прояснению духовного смысла гоголевской повести.

Широкое распространение в работах о Гоголе получила трактовка образа главного героя повести Акакия Акакиевича Башмачкина сквозь призму традиций житийной литературы. Сторонники этой концепции в качестве исходных аргументов выдвигают на первый план аскетические «подвиги» Башмачкина, совершаемые ради обретения новой шинели, и житийную символику имени персонажа. Мать героя «Шинели» следует традиции называть ребенка по святцам, трижды предлагающим назвать младенца невероятно редкими и неблагозвучными именами. Увидев в этом знак («видно, его такая судьба»), она нарекает младенца именем отца (в святцах имя Акакий толкуется «невинный», «незловивый», лишенный «заслуживающей наказания вины»). Автор повторяет, что «это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно» [1, с. 110], подчеркивая неизбежность дальнейшей судьбы героя.

Повеествование о жизни героя до определенного момента во многом соответствует моделям житийного жанра: происхождение от благочестивых родителей (об отце мы ничего

не знаем, но мать была «чиновница и очень хорошая женщина»), безбрачие (у Акакия Акакиевича не было жены и детей), отшельничество (бесконечное переписывание бумаг, осуществляемое с такой любовью, можно интерпретировать как «пустыню», в которую герой добровольно удалился от искушений и несправедливости: «Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало» [1, с. 112]).

Исследователи выдвинули несколько версий о житийном прототипе гоголевского героя. Наиболее популярной в отечественном и зарубежном гоголеведении стала гипотеза об Акакии Синайском, предложенная полвека назад голландским литературоведом Ф. Дриссеном и развитая немецким славистом Зеemannом, который указал, что источником знакомства писателя с историей этого святого подвижника могла быть входившая в круг чтения Гоголя духовная книга «Лествица» преподобного Иоанна Лествичника, умершего в конце VI или начале VII в. Сопоставление сюжетов «Шинели» и «Лествицы» позволило заметить определенное типологическое сходство в образе жизни и поведении чиновника Башмачкина и св. Акакия Синайского. Этот подвижник жил в VI в. в одном из монастырей Синая. Он был учеником у старца «весьма нерадивой жизни и дерзкого нрава», который «мучил его ежедневно не только укоризнами и ругательствами, но и побоями» [6, с. 52–53]. Святой Акакий переносил все терпеливо и безропотно. Акакий Акакиевич тоже со смирением несет крест своей службы в департаменте. Он отрешен от всего земного, по-евангельски не заботится о том, «что есть и во что одеться», незлобив, кроток, не держит зла на своих обидчиков, со смирением переносит насмешки и даже прямые издевательства своих сослуживцев. В христианском контексте образ Башмачкина соответствует традиционным образам христианской книжности, смирения, терпения, самоуничтожения героев житийной литературы, подражающих в этом Христу. «Безгласность» героя, изъяснявшегося «большею частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения» [1, с. 116], может быть интерпретирована как евангельский мотив, выражением которого служат известные слова пророчества Исаяи, традиционно относимые ко Христу: «как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис. 53:7) (мотив бессловесности есть и в тексте о св. Акакии Синайском: «видя, что он, как куп-

ленный раб, ежедневно крайне страдает, я часто говорил при встрече с ним: “Что, брат Акакий, каково сегодня?” В ответ на это он тотчас *показывал* мне иногда синее пятно под глазом, иногда уязвленную шею или голову» [7, с. 52–53]). Даже сам труд переписывателя и почти сакральное отношение героя к нему вызывают «средневековые» ассоциации с традиционным монашеским книжным делом и идеалом жизни «по Писанию» с вытекающим из него особым восприятием и даже почитанием написанного священного текста.

Изучая источники «Шинели» в конце 1990-х гг., В.Е. Ветловская выдвинула предположение, что имя и судьба гоголевского героя не только восходят к житию святого Акакия Синайского, но и отсылают нас еще к одному житийному тексту – житию мученика Акакия (конец III – начало IV в.) [4, с. 21]. Итальянский ученый Ч. Де Лотто в статье «Лествица “Шинели”» утверждает, что образ Башмачкина – это образ инока, который соблюдает все правила аскезы: «Он аскет по самой своей природе» [8, с. 64]. Исследователь рассуждает: поддавшись искушению и приняв на себя грех, Башмачкин от служения в высоком смысле слова переходит к «служению нечистой силе».

Довольно распространенной является трактовка событий повести как испытания, которое герой не выдерживает. Оно состоит в искушении одеждой. В работе С.Г. Бочарова «Холод, стыд и свобода (История литературы sub specie Священной истории)» высказывается мысль о том, что образ Петровича восходит к образу змея-искусителя, открывшего чистому душой Башмачкину «две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо» [1, с. 122]. Ученый указывает на двойственность мотивации приобретения героем шинели: спасение от «космического холода» и соответствие стандартам моды и комфорта. Исследователь пишет, что попытка приобщиться к миру людей, вечному миру, привела к тому, что Акакий Акакиевич «далеко ушел от ситуации своего противостояния не миру людей, а “петербургскому климату”, ситуации, требующей лишь простого прикрытия голого тела» [2, с. 133] (ср. с искушением Евы). В финале повести мертвец сдирает «со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели <...> словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной» [1, с. 132]. «Акакий Акакиевич словно бы для того прошел свое грехопадение и вступил на путь приобщения к миру мнимых значений <...>, чтобы обрести основания для свое-

го загробного Страшного суда над этим миром одежды» [2, с. 134]. Бочаров видит здесь аллюзии на ветхозаветный сюжет о первом грехопадении: «И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны: и облече их».

Собственно, житийный мотив аскетического испытания вообще есть реализация более общего мотива искушения, который восходит именно к библейскому сказанию. В самих библейских текстах одежда упоминается как предмет роскоши, иногда в одном ряду с золотом и серебром. В евангельских призывах к нестяжанию и отказу от накопления земных богатств идея земного богатства передана, в частности, через образ одежды. На этом строится концепция статьи П.Е. Бухаркина «Об одной евангельской параллели к “Шинели” Н. В. Гоголя». По мнению ее автора, одним из главных источников религиозного сюжета гоголевской повести является Христова заповедь из Евангелия от Матфея: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19–21). Стремление героя повести приобрести новую шинель автор статьи трактует как результат «разврата и растреления» [3]. Этот же тезис развивается в работе А.Б. Пивоварова «Мотивы “приобретения одежды” в христианской традиции и повести Н.В. Гоголя “Шинель”», где утверждается, что «Шинель» – повесть о грехопадении: «Сюжет произведения структурно повторяет библейский сюжет: прельщение (ложными благами) – грехопадение – лишение (всяческих благ) – гибель» [11, с. 104]. «Увлечение» героя шинелью понимается не как одержимость новой вещью, а именно как нарушение вышеупомянутой евангельской заповеди.

Скептически оценивая подобные трактовки повести как «идеологические», не учитывающие стилистику и поэтику гоголевского текста, В.Ш. Кривонос задается вопросом: в чем же тогда заключается роль его истолкователя, тем более, что он даже не истолковывает, а лишь иллюстрирует евангельскую цитату? [6]. В контексте христианской традиции перемены, происходящие с Башмачкиным после получения новой шинели, нередко характеризуются как падшее, развращенное, греховное состояние. Момент, когда герой возвращается из департамента домой в новой шинели, О.В. Зырянов считает поворотным пунктом повество-

вания, ключевой сценой для понимания последующей печальной судьбы Акакия Акакиевича, его состоявшегося грехопадения. «Измена житийному предназначению начинается у героя с измены своему “прежнему капоту”, через который хотя и просвечивала бедная, худая плоть, но который все-таки являлся для героя – святого угодника – Божьей защитой» [5, с. 138]. Предвестия же начинающегося грехопадения исследователь усматривает и в усмешке героя, и в отказе от переписывания, отходе от устоявшейся годами привычки.

Начинаясь рождением героя, повествование охватывает всю жизнь данного персонажа и заканчивается его смертью. В христианской традиции так строится описание жизни святого, стратегия которой представляет собой преодоление «низких» проявлений человеческой природы, нравственное совершенствование и достижение на исходе земного бытия высшей степени духовного совершенства – святости. В этом жанровом контексте вышеупомянутые ученые «читают» текст «Шинели» как антижитие, т.к. в нем начало и конец как будто переставлены местами: начинаясь с описания ангельски чистого состояния души героя, он заканчивается картиной его падения.

Принципиально иной подход к проблеме житийных традиций в гоголевской повести предлагается в работе Ю.В. Манна «Карнавал и его окрестности». Ученый не согласен с популярной тенденцией причислять Акакия Акакиевича к числу житийных подвижников, изменивших своему аскетическому подвигу. Литературовед показывает, что характер главного персонажа повести близок иному психологическому и поведенческому типу житийного героя. Самоограничение, абсолютное равнодушие к продвижению по карьерной лестнице, неприязнательность и чуждость каким-либо физическим, материальным сторонам существования – все это признаки юродствования. Обличение Башмачкина «неуместно ввиду следующих обстоятельств. При всей близости Акакия Акакиевича к традициям и психологическому комплексу юродства, он не принял никакой аскезы и не брал на себя никакого обета. Следовательно, о “неверности”, “измене” и т.д. говорить не приходится. И вообще аскеза – подвиг индивидуальный, выбираемый для себя, а не для другого» [9, с. 177].

Действия героя повести можно, конечно, соотносить с житийными подвигами (воздержание, отказ от проявления собственной воли, бесстрашие), но, по нашему мнению, они лишены целеполагания, которое необходимо для того, чтобы считать воздержание героя аске-

зой, а его необычное поведение – юродством. Герой Гоголя не ставит перед собой целей религиозно-нравственного возвышения, поэтому, с точки зрения житийной типологии, было бы точнее отнести Башмачкина к блаженным, которые не принимали на себя подвиг юродства, а просто производили впечатление людей, впавших в детство (стоит упомянуть детскую увлеченность процессом переписывания, неспособность связно выражать свои мысли, детскую незащищенность перед старшими товарищами). Следовательно, если причислять Башмачкина к блаженным, то мотив грехопадения становится еще более прозрачным: все изменения в поведении героя можно объяснить не развращенностью и нравственным падением, а состоянием, когда ребенок достигает желаемого и, осмелев, пробует что-то новое.

Таким образом, агиографические мотивы, которые современные исследователи выделяют в повести Гоголя, интерпретируются диаметрально противоположным образом: от обличения Башмачкина как житийного героя, изменившего своему аскетическому подвигу, до придания человеческой трагедии героя экзистенциального измерения. Эти трактовки не просто полемически заострены. Они являются формой диалога научных концепций, позволяющих углубить наше понимание духовного смысла повести «Шинель».

Литература

1. Бочаров С. Холод, стыд и свобода: (История литературы sub specie Священной истории) // Вопр. литературы. 1995. №5. С. 126–157.
2. Бухаркин П.Е. Православная церковь и русская литература в XVIII – XIX веках: проблемы культурного диалога. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996.
3. Ветловская В.Е. Житийные источники гоголевской «Шинели» // Рус. лит. 1999. №1. С. 18–34.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Рус. кн., 1994. Т. III.
5. Зырянов О.В. Кто вышел из гоголевской «Шинели»? // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2002. Вып. 5. №24. С. 123–143.
6. Кривонос В.Ш. «Бедный Акакий Акакиевич» (об идеологических подходах к «Шинели» Гоголя) // Вопр. литературы. 2004. №6. С. 139–156.
7. Лествица / Преподобного отца нашего Иоанна Лествичника Лествица. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994.
8. Лотто Ч. Де. Лествица «Шинели» // Вопр. философии. 1993. №8. С. 58–83.

9. Манн Ю.В. Карнавал и его окрестности // Вопр. литературы. 1995. №1. С. 154–182.

10. Пивоваров А.Б. Мотив «приобретения одежды» в христианской традиции и повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Источниковедение в школе. 2009. №1–2. С. 99–108.

Hagiographic tradition in the short story by N.V.Gogol "The Overcoat": dialogue of interpretations

There are compared different modern scientific approaches to the interpretation of the roles of hagiographic traditions in N.V.Gogol's short story "The Overcoat".

Key words: *hagiography, tradition, ascetic feats, holy fools, blessed.*

К.А. НАГИНА
(Воронеж)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ МНОГОМЕРНОСТЬ САДА В ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ»

Сад в повести Л.Толстого «Казачьи», как и в других произведениях писателя, заключает в себе идею выхода в общую жизнь. Сцена сбора винограда рассматривается как пролог к сценам «хлебного труда» «Анны Карениной»; отмечаются евангельские мотивы, связывающие эти сцены. В репрезентации виноградного сада как пространства любви исследуются мотивы «Песни Песней» царя Соломона и связь сада с женским началом, обнаруживающая его сакральную семантику.

Ключевые слова: *Л. Толстой, «Казачьи», сад, библейские мотивы, притча о виноградарях, «Песнь Песней» царя Соломона.*

Символика сада в русской литературе универсальна и многопланова. В своем образно-художественном преломлении сад может рассматриваться как микрокосмос, сакральная модель Вселенной, выступать как пространство самопознания и постижения «вечных» истин, но может быть и пространством любви, местом увеселений и забав. Подобная много-